

Завьялова Наталья Алексеевна

Zavyalova Natalya Alekseevna

кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингвистики и профессиональной
коммуникации на иностранных языках
Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

PhD in Philology, Assistant Professor,
Department of Linguistics
and Professional Communication
in Foreign Languages,
Ural Federal University

КОНЦЕПТЫ КУЛЬТУРЫ В РОЛИ ЗНАКОВ КУЛЬТУРЫ: СТРУКТУРНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

THE CONCEPTS OF CULTURE IN THE ROLE OF SIGNS OF CULTURE: STRUCTURAL AND METHODOLOGICAL APPROACH

Аннотация:

В статье представлена новая модель концепта культуры. Сохраняя уровневый подход к строению концепта, предложенный Ю.С. Степановым, автор на материале устойчивых культурно-коммуникативных формул (пословиц, поговорок, цитат) предлагает проанализировать и распределить по уровням концепта культуры партиципации – экзистенциальные приращения к иноположенному в трактовке А.А. Пелипенко. Полученные исторические и новейшие актуальные уровни концепта культуры, зафиксированные в партиципациях, далее соотносятся с кодами культуры (акциональным, зооморфным, фитоморфным, пространственно-временным, сакральным, демоническим, предметно-вещным), разработанными на материале русской культуры коллективом под руководством В.Н. Телии. Предложенная процедура анализа позволяет описать культурные эталоны коммуникативных формул, функционирующих в рамках социокультурного пространства. Анализ эталонов, содержащих репрезентируемые ценности, позволяет понять основания культуры на более глубоком уровне. Структура понимания и интерпретации культурного эталона легла в основу треугольника понимания повторяемых культурно-коммуникативных формул, который был разработан на основе треугольника понимания текста А.В. Соколова.

Ключевые слова:

концепт, культура, пословица, поговорка, партиципация, код культуры, социокультурное пространство, ценность, эталон, смысл.

Summary:

The focal point of the paper is a new model of the culture concept. Keeping the level approach to the structure of the concept introduced by Yu.S. Stepanov, the author suggests analyzing and distributing the culture of participation, i.e. the existential connection to something different proposed by A.A. Pelipenko, based on the repeated cultural and communicative formulas (proverbs, sayings, quotations). The received historical and newest relevant levels of the concept of culture fixed in the participation further correlate with the culture codes (actional, zoomorphic, phytomorphic, spatiotemporal, sacred, demonic, material) developed for Russian culture by a team led by V.N. Teliya. The proposed procedure of the analysis allows one to describe cultural patterns of communicative formulas that function in a sociocultural space. The analysis of the patterns containing the representable values provides an opportunity to understand the foundations of culture at a deeper level. The structure of understanding and interpreting the cultural standard formed the basis of the triangle of understanding the repeated cultural and communicative formulas, which was developed on the basis of the triangle of understanding the text by A.V. Sokolov.

Keywords:

concept, culture, proverb, saying, participation, culture code, sociocultural space, value, standard, meaning.

Термин «концепт» по-разному определяется представителями научных направлений, «так как у него есть содержание (существенные признаки), но пока не ясен объем» [1, с. 103]. Отметим, что «концепт – категория мыслительная, ненаблюдаемая, и это дает большой простор для ее толкования» [2, с. 21]. По мнению Е.С. Кубряковой, в понимании концепта следует в первую очередь учитывать его ментальную природу: «Концепт (от лат. *conceptus* – ‘мысль’, ‘понятие’) – единица ментального или психического ресурса нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [3, с. 26].

В рамках настоящего исследования чрезвычайно важным представляется наблюдение Ю.С. Степанова о том, что «культура – это совокупность концептов и отношений между ними, выражающихся в различных “рядах” (прежде всего в “эволюционных семиотических рядах”, а также в “парадигмах”, “стилях”, “изоглоссах”, “рангах”, “константах” и т. д.). <...> Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей” – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [4, с. 38, 40]. Суммируя идеи Ю.С. Степанова, В.Н. Телии и Н.Д. Арутюновой, В.А. Маслова определяет

концепт «как понятие, погруженное в культуру, обладающее эмотивностью, коннотациями, аксиологичное и культурно-специфичное по своей природе образование» [5, с. 384].

В рамках статьи мы рассуждаем об особом типе концептов – **культурных концептах**. Анализируя разновидности концептов, Ю.С. Степанов указывал на наличие национально обусловленных и «великих концептов мировой культуры» («закон», «причина», «судьба», «вера»). По нашему мнению, направления изучения культурных концептов следует выстраивать исходя из анализа национальной словесности. Полностью разделяем идею А.Я. Флиера о ведущей роли языка в объективации культуры: «Язык отражает *всю культуру*. Остальные проявления культуры – это только ее сегменты» [6, с. 116]. Полагаем, что культурные концепты являются **смыслами, объективированными в знаках – языковых культурно-коммуникативных формулах**. Ключевая идея, лежащая в основе настоящей работы, была сформулирована в работе Вал.А. Лукова и Вл.А. Лукова «Тезаурусы II». Анализируемые единицы рассматриваются в ней как **крылатые слова**: «Культурные константы имеют свойство облекаться в знаковые формы, из которых особую разновидность составляют крылатые слова, широко используемые в определенном культурном ареале именно как вербальные свидетельства константных скреп культуры. Мы определяем крылатые слова как слова и устойчивые сочетания слов, которые: а) выражают обобщенное содержание, применяемое как образец, правило, идея, оценка и т. п. при характеристике широкого класса явлений, процессов, отношений, свойств и т. п.; б) признаются в рамках тех или иных культур общеизвестными, общепонятными, общезначимыми; в) являются свидетельством определенного уровня культурного развития как тех, кто использует в своей речи (устной или письменной) такие слова и словосочетания, так и тех, кто способен дешифровать эти культурные коды» [7, с. 85].

Отметим важную особенность знака культуры, сформулированную философом М.К. Петровым: в качестве знака в культуре можно рассматривать не все единицы, а только те, которые *обеспечивают трансляцию знаний от поколения к поколению*. «Без знака общество гибнет как общество, предоставляя живущему поколению, если оно сможет, существовать по правилам животного мира. Но тогда все в составе социальности, что передается от поколения к поколению, но не может быть передано средствами бойкота, должно оставаться фиксированным в знаке или хотя бы проходить стадию фиксации в знаке, поскольку ничто не может быть передано в каналы социальной наследственности без предварительного кодирования в знаке» [8, с. 30]. Социальный философ Ф.И. Минюшев четко определяет роль языковых единиц в трансляции человеческого опыта: «Седиментация опыта (осаждение опыта действий и переживаний в сознании, его хабиитуализация (оприличивание) сопровождаются фундаментальным процессом – в сознании людей отпечатывается прежде всего позитивный опыт, ведущий к полезному и эстетически привлекательному результату. Типизируясь далее с помощью языка, он превращается в образец действия и движется в двух направлениях: в системе ролевых функций (в виде ролевых репертуаров живых индивидов) и в знаковых (семиотических) системах. Последнее обеспечивает возможность трансляции таким образом отобранного опыта в пространстве и во времени (истории)» [9, с. 14–15]. Можно сделать вывод о том, что языковые единицы – **культурно-коммуникативные формулы (ККФ) – знаки культуры, репрезентирующие культурные концепты**.

Мы созвучны с М.К. Петровым, который чрезвычайно высоко оценивает функцию знака: «Есть лишь один возможный претендент на роль социального гена, социальной наследственной сущности – знак в его способности фиксировать и неопределенно долго хранить значение. Знак и язык совечны обществу, но если язык в основном наборе функциональных нагрузок выступает как средство общения, то знак, как правило, оказывается носителем смысла и основанием его преемственного изменения, результатом, адресом и поводом общения» [10, с. 28]. Полагаем, что культурно-коммуникативные формулы фиксируют определенные значения концептов, закрепленные в тезаурусе культуры, и транслируют их в социокультурное пространство. Совокупность ККФ является культурной когнитивной картой, описание которой выделяет смыслы, релевантные для народа в настоящем, исходя из опыта прошлого. Оценочность действий, народная аксиология, ретроспективность в полной мере представлены в ККФ. Великий русский писатель Н.В. Гоголь, пленный полнотой смысла пословиц, отметил их особенный «образ выражения»: писатель увидел в нем отражение многих «народных свойств наших»: «“В них все есть, – сказал Гоголь о пословицах, – издевка, насмешка, попрек, словом – все шевелящее и задирающее за живое” ...Ни одна из пословиц не лишена всепоглощающего страстного интереса ко всему, чего касается. За каждой из них видишь тех, кто судит, рядит, спорит, вышучивает, насмехается, балагурит, печалится, скорбит, радуется, бранится, – предстает множественность случаев и жизненных сцен» [11, с. 3].

Важным свойством концептов выступает системность и упорядоченность: «Концепт – это дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации

данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [12, с. 24]. В современной науке ведутся споры о строении концептов. Большинство ученых принимают позицию Ю.С. Степанова, согласно которой концепты имеют слоистую структуру, в состав которой входит понятный всем современникам новейший слой, далее следуют пассивный исторический слой и «внутренняя форма концепта», «его буквальный смысл». Нередко в структуре концепта выделяют ядро – наиболее насыщенную актуальными смыслами часть – и периферию. Представим традиционную схему строения концепта (рис. 1).

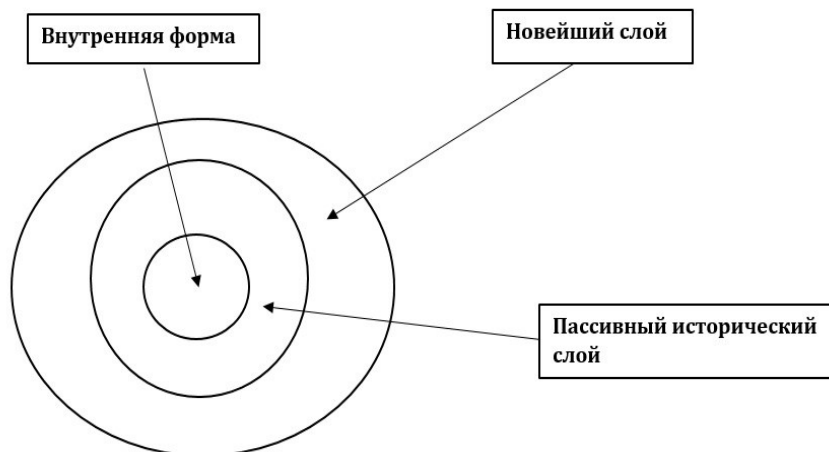

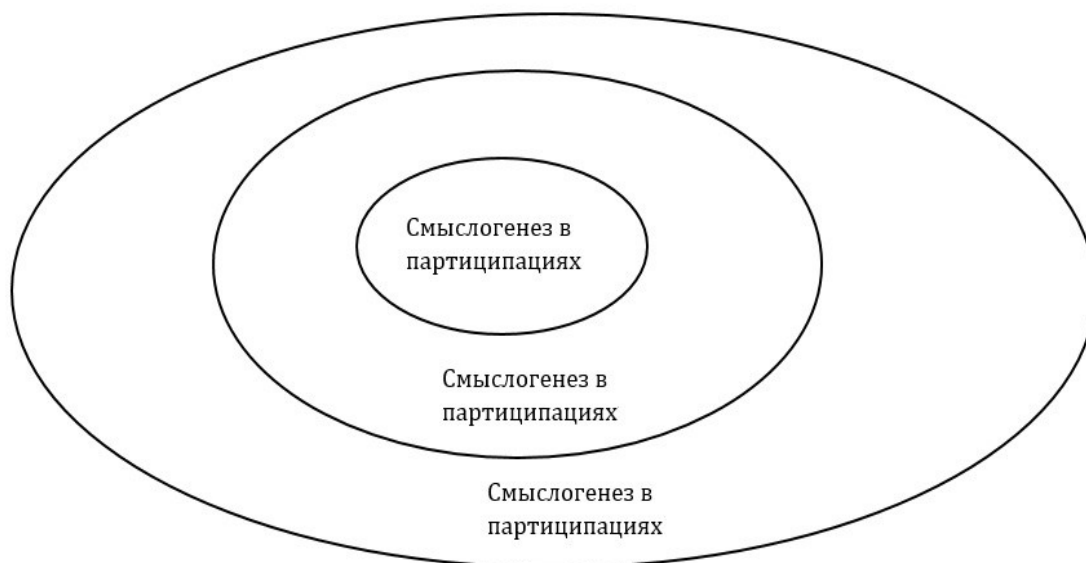
Рисунок 1 – Строение концепта по Ю.С. Степанову

В рамках настоящего исследования предпринята попытка описать более подробно как внутренние особенности строения концепта, так и характер его взаимодействия с внешним социокультурным пространством. Принимая за основу тезис о том, что концепт синонимичен смыслу, мы стремимся описать особенности смыслогенеза культурных концептов: «...Если мы хотим понять в той или иной системе культуры самое главное, постичь ее системообразующую основу, мы должны прежде всего разобраться: *в какие сферы реальности направлено дифференцирующее смыслообразование и до каких пределов оно доходит*. Затем можно установить взаимообусловленность и структурные отношения смысловых кластеров, возникающих по ходу этого движения» [13, с. 58]. Направления смыслообразования мы описываем, фиксируя **партиципации** во всех трех слоях концепта (внутренней форме, историческом и новейшем слоях): «Дуальные отношения, имеющие целью достичь целостно переживаемое единство с *другим*, осуществляются посредством **партиципации** (экзистенциального природнения) – особого психического состояния, в котором сознание ситуативно переживает свою слитность (нераздельность) с чем-либо изначально ему иноположенным. <...> Источник неизбывного и непреодолимого партиципационного импульса – это, на общеэволюционном уровне, коллективная память о *внутриутробном состоянии*. И то, и другое характеризуются *континуальностью, непрерывностью переживания психофизиологических процессов, непротиворечивостью* транслируемого идеала существования. Из него-то человек и выбрасывается в *дуализованное пространство*, откуда он мучительно ищет выхода» [14, с. 30].

Партиципации позволяют человеку адаптироваться в мире, снять ряд противоречий болезненного разорванного дуализированного сознания. Проиллюстрируем данный тезис примером русской ККФ (*нечто*) **чистойшей воды**. Партиципируясь посредством ККФ к воде, человек полагает, что вступает в некоторое выгодное взаимодействие с водной стихией, которая обладает признаком чистоты, прозрачности. Этот признак можно использовать в ситуациях-сравнениях, природнившись к воде в ментальном образе, «очеловечив», использовав воду для собственных мыслительных операций, снизив тем самым противопоставление между собой и водой: «Очеловечивание пространства сокращает онтологическую дистанцию между субъектом и объектом – последний становится «адресатом» *вторичной партиципации*. Такое замещение, глубоко магическое по своей природе, стало одним из главных оснований сакрализации изображений, сохранившей свою значимость вплоть до настоящего времени. Всякий визуальный образ, а затем и органически связанная с ним среда, плоскость изображения, – а позднее и регулярное картинное поле – стали восприниматься как сакрально отмеченная зона (или «адрес») партиципационных ожиданий, как форма «имманентного трансцендирования», позволяющая хотя бы ситуативно вырваться из напряженно-конфликтного, и потому уж профанного дуализма повседневноности» [15, с. 85].

В рамках нашего исследования партиципации распределены по уровням концепта (рис. 2) и описаны с учетом первичных оппозиций пралогического мышления: «верх – низ», «хорошо – плохо», «сакральное – профанное». Возвращаясь к ККФ (*нечто*) **чистойшей воды**, отметим, что в данном

случае чистота воды основывается на оппозиции «хорошо – плохо» (чистая вода – хорошо). Анализ партиципаций в рамках каждого уровня концепта позволяет выявить направление смыслогенеза, возможные изменения этого направления и последствия зафиксированных изменений.

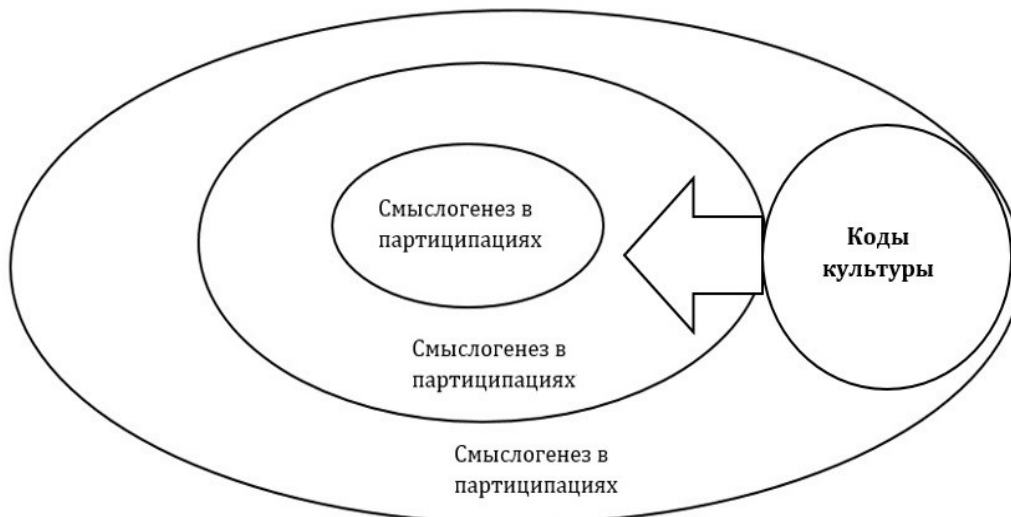
Рисунок 2 – Первая стадия описания концептов через кластеры партиципаций

Следующим пунктом описания концепта в рамках исследования является характер взаимодействия концепта с окружающим социокультурным пространством, обусловленный **кодами культуры**. В.Н. Телия определяет культурные коды как «вторичные знаковые системы, использующие разные материальные и формальные средства для кодирования одного и того же содержания, сводимого в целом к картине мира, к мировоззрению данного социума» [16, с. 100]. Коды культуры, по мнению В.В. Красных, представляют собой «сетку», которую «культура “набрасывает” на окружающий мир, с помощью которой категоризирует, структурирует и оценивает его» [17, с. 232]. Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека, они эти представления и кодируют.

Изучение кодов культуры на материале культурно-коммуникативных формул позволяет сформировать портрет социокультурного пространства этноса, нации. Коммуникативные единицы представляют собой культурные семиотические знаки, оперирующие в пространстве символического интеракционизма культуры. По нашему мнению, код культуры в виде сетки набрасывается на концепт, представленный совокупностью партиципаций. Перечислим коды культуры, выявленные группой лингвокультурологов в рамках русской фразеологии [18, с. 8–9]: природно-ландшафтный, соматический, антропный, религиозный, демонический, временной, социально-иерархический, акциональный (деятельностный), архитектурно-домостроительный, числовой, предметно-натуральный, предметно-денежный, вещный, игровой, духовно-ценностный.

На рисунке 3 изображен концепт, взаимодействующий с кодами культуры. На наш взгляд, «обработка» партиципаций кодами культуры и превращает сгусток индивидуальных природнений-партиципаций в продукт коллективного разума. По нашему убеждению, партиципации могут носить и индивидуальный характер (для кого-то вода – способ утолить жажду, а для кого-то – сакральный напиток, предмет религиозного культа), но обработка сетью культурных кодов соотносит индивидуальные партиципации с традицией, превращает их в коллективный акт смыслогенеза.

Смыслы, воплощенные в партиципациях и подвергшиеся обработке кодами культуры, в свою очередь выдают в социокультурное пространство собственный «вербализованный продукт» – **культурный эталон**. **Эталонность** анализируемых ККФ задана рядом дефиниций фразеологизмов в русском фразеологическом словаре В.Н. Телия. «*В пух и прах* – 1) полностью, до основания разбить, раскритиковать, разругаться, проиграться. Первоначально самостоятельно употреблялись... выражения *разбить в пух* – “взбивая, распушить”, *разбить в прах* – “раздробить в порошок, измельчить в пыль, ударяя”. Отсюда переносные значения “разгромить” и “сильно отругать”. <...> В дальнейшем в связи со сходством значений произошло слияние двух оборотов в один, расширение значения и сочетаемости. В основе... лежит мотивированная метафора с элементами гиперболы, связанная с мифологическим представлением о **прахе** как о том, откуда появился человек и чем станет вновь после смерти. В целом... выступает в качестве **эталона разрушения, уничтожения** (выделено автором)» [19, с. 69].

Рисунок 3 – Вторая стадия описания концепта.

Схема концепта – совокупности партиципаций, подвергшегося влиянию кодов культуры

Рассмотрим пример из английского языка. *A body snatcher* – 1) похититель трупов; 2) снайпер; 3) репортер, освещающий деятельность выдающихся лиц. (Культурный эталон 1. Похититель тела как эталон похитителя трупов). (Культурный эталон 2. Похититель тела как эталон снайпера). (Культурный эталон 3. Похититель тела как эталон репортера, освещающего деятельность известных персон). Анализ полученных эталонов, их иерархий позволяет описать особенности взаимодействия концепта с социокультурным пространством (рис. 4). Если коды культуры – это то, что воздействует на концепт, то результирующие эталоны – это то, каким образом концепт воздействует на социокультурное пространство.

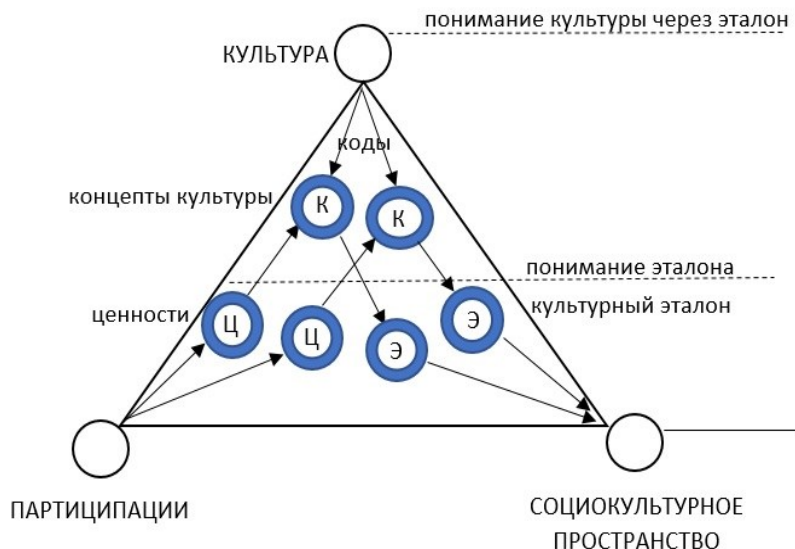
Рисунок 4 – Третья стадия описания концепта.

Полная модель концепта в рамках нашего исследования

Мы выстраиваем изучение культур по пути анализа **социокультурного пространства**. Социальный антрополог Э.А. Орлова считает построение моделей социокультурного пространства базовой задачей современных наук о культуре: «Теоретическое объединение... измерений создает основу для конструирования модели социокультурного пространства, которое можно считать фундаментальной составляющей социологии культуры» [20, с. 66].

Философия посредством семантического треугольника Огдена – Ричардса сделала попытку связать слово, понятие и предмет в единое целое. Известный российский семиотик А.В. Соколов следующим образом описывает эту модель: «Треугольник Огдена – Ричардса представляет собой удачную модель взаимосвязи трех главных логико-лингвистических категорий: 1) данный в ощущениях объект реальной действительности, именуемый в логике “денотат”, а в лингвистике “референт”; 2) возникающий в сознании людей мысленный образ (психологическое представление) о данном объекте, которое в логике называется “понятие” или “концепт”, а в лингвистике “значение” или “смысл”; 3) принятое в человеческом обществе наименование объекта – “имя” (слово, лексема)» [21, с. 112–113]. Мы вслед за А.В. Соколовым, создавшим собственный

«треугольник текста», делаем попытку разработать треугольник ККФ, где культура и социокультурное пространство представлены посредством взаимодействия кодов, ценностей, концептов культуры и разных уровней понимания эталонов (рис. 5).

Рисунок 5 – Треугольник стадий понимания эталона ККФ

Полученная модель концепта культуры была успешно апробирована при анализе концепта «деньги» на материале миссии Банка развития БРИКС и ККФ китайского, английского (индийский вариант) и русского языков [22]. Полагаем, что данная схема анализа и модель описания ценностей, концептов и эталонов культуры применимы как к этноспецифическим концептам [23], так и к концептам мировой культуры.

Ссылки:

1. Зиновьева Е.И., Юрков Е.Е. Лингвокультурология : учебник. СПб., 2006. 260 с.
2. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка : монография. Воронеж, 2007. 250 с.
3. Цит. по: Самосенкова Т.В. Культурный концепт как единица культурологического сознания // Известия Юго-Западного государственного университета. 2015. № 3 (16). С. 26–29.
4. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 2004. 992 с.
5. Маслова В.А. Концепты и ценности: содержание понятий, языковая репрезентация // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2011. Т. 24 (63), № 2, ч. 1. С. 383–387.
6. Флиер А.Я. Опыт моделирования культуры как социальной системы // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 2. С. 113–124. <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2016.2.10>.
7. Луков Вал.А., Луков Вл.А. Тезаурусы II. Тезаурусный подход к пониманию человека и его мира : науч. моногр. М., 2013. 640 с.
8. Петров М.К. Язык, знак, культура / вступ. ст. С.С. Неретиной. Изд. 2-е, стер. М., 2004. 328 с.
9. Минюшев Ф.И. Социология культуры : учеб. пособие. 2-е изд., испр., доп. М., 2009. 254 с.
10. Петров М.К. Указ. соч. С. 28.
11. Цит. по: Аникин В.П. Русские пословицы и поговорки / под ред. В.П. Аникина ; предисл. В.П. Аникина ; сост. Ф.М. Селиванов, Б.П. Кирдан, В.П. Аникин. М., 1988. 431 с.
12. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика : монография. М., 2007. 314 с.
13. Пелипенко А.А. Дуалистическая революция и смыслогенез в истории / предисл. А.С. Ахиезера. Изд. 2-е, испр. М., 2011. 384 с.
14. Там же. С. 30.
15. Там же. С. 85.
16. Телия В.Н. Русская фразеология. Культурный, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. 340 с.
17. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2002. 283 с.
18. Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В.Н. Телия. 4-е изд. М., 2009. 784 с.
19. Там же. С. 69.
20. Орлова Э.А. Социология культуры : учеб. пособие для вузов. М. ; Киров, 2012. 575 с.
21. Соколов А.В. Введение в теорию социальной коммуникации : учеб. пособие. СПб., 1996. 320 с.
22. Zavyalova N.: 1) BRICS Money Talks: Comparative Socio-Cultural Communicative Taxonomy of the New Development Bank // Research in International Business and Finance. 2017. Vol. 39. January. P. 248–266. <https://doi.org/10.1016/j.ribaf.2016.07.039> ; 2) Dataset for an Analysis of Communicative Aspects of Finance // Data in Brief. 2017. Vol. 11. April. P. 197–203. <https://doi.org/10.1016/j.dib.2017.01.012>.
23. Завьялова Н.А. Коммуникативные универсалии как средство интеллектуального воздействия // Теория и практика общественного развития. 2015. № 6. С. 121–125.

References:

- Anikin, VP (ed.), Selivanov, FM & Kirdan, BP (comps.) 1988, *Russian proverbs and sayings*, Moscow, 431 p., (in Russian).
- Flier, AYa 2016, 'Modelling culture as a social system', *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 113-124. <https://doi.org/10.17805/zpu.2016.2.10>.
- Krasnykh, VV 2002, *Ethnopsycholinguistics and cultural linguistics*, Moscow, 283 p., (in Russian).
- Lukov, ValA & Lukov, VIA 2013, *Thesauruses II. Thesaurus approach to understanding a person and his world*, monograph, Moscow, 640 p., (in Russian).
- Maslova, VA 2011, 'Concepts and values: the content of concepts, linguistic representation', *Uchenyye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya "Filologiya. Sotsial'nyye kommunikatsii"*, vol. 24 (63), no. 2, part 1, pp. 383-387, (in Russian).
- Minyushev, FI 2009, *Sociology of culture*, study guide, 2nd ed., Moscow, 254 p., (in Russian).
- Orlova, EA 2012, *Sociology of culture*, study guide, Moscow, Kirov, 575 p., (in Russian).
- Pelipenko, AA & Akhiezer, AS (comp.) 2011, *The dualistic revolution and meaning in history*, 2nd ed., Moscow, 384 p., (in Russian).
- Petrov, MK & Neretina, SS (comp.) 2004, *Language, sign, culture*, 2nd ed., Moscow, 328 p., (in Russian).
- Popova, ZD & Sternin, IA 2007a, *Cognitive linguistics*, monograph, Moscow, 314 p., (in Russian).
- Popova, ZD & Sternin, IA 2007b, *Semantic and cognitive analysis of language*, monograph, Voronezh, 250 p., (in Russian).
- Samosenkova, TV 2015, 'The cultural concept as a unit of cultural consciousness', *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo Universiteta*, no. 3 (16), pp. 26-29, (in Russian).
- Sokolov, AV 1996, *Introduction to the theory of social communication*, study guide, St. Petersburg, 320 p., (in Russian).
- Stepanov, YuS 2004, *Constants. Dictionary of Russian culture*, 3rd ed., Moscow, 992 p., (in Russian).
- Teliya, VN 1996, *Russian phraseology. Cultural, pragmatic and linguistic and cultural aspects*, Moscow, 340 p., (in Russian).
- Teliya, VN (ed.) 2009, *Large phraseological dictionary of the Russian language*, 4th ed., Moscow, 784 p., (in Russian).
- Zavyalova, NA 2015, 'Communicative universals as a tool of intellectual influence', *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 6, pp. 121-125, (in Russian).
- Zavyalova, N 2017a, 'BRICS Money Talks: Comparative Socio-Cultural Communicative Taxonomy of the New Development Bank', *Research in International Business and Finance*, vol. 39, January, pp. 248-266. <https://doi.org/10.1016/j.ribaf.2016.07.039>.
- Zavyalova, N 2017b, 'Dataset for an Analysis of Communicative Aspects of Finance', *Data in Brief*, vol. 11, April, pp. 197-203. <https://doi.org/10.1016/j.dib.2017.01.012>.
- Zinovieva, EI & Yurkov, EE 2006, *Cultural linguistics*, textbook, St. Petersburg, 260 p., (in Russian).